

СНЫ И ЯВЬ ГЕРОИНЬ «КРЕСТОВЫХ СЕСТЕР» А. М. РЕМИЗОВА

В настоящее время уже не подлежит сомнению, что дуалистическое мировоззрение А. М. Ремизова во многом опиралось на мифологию богомилов.¹ А. А. Данилевским² некрыта религиозная концепция писателя, где Пришествие в мир Христа через кровь объясняет дуализм добра и зла как неразрывного единства, а зло — является промыслом Божиим (богооставленность мира должна смениться Вторым Пришествием). Земля — это обитель дьявола, а человек — его творение и жертва. Спасение возможно только в отречении от земных страстей, и А. М. Ремизов выстраивает художественный вариант «народной» веры, где его дуалистическая религиозная доктрина получает «национальную» окраску. Учитывая все это, можно попытаться расшифровать ряд «темных мест» в «Крестовых сестрах». Философия писателя в данном случае становится ключом к разгадке некоторых «снов» героинь, так как чисто художественный анализ текста произведения не дает сколько-нибудь удовлетворительных результатов. Основной задачей в таком случае будет расшифровка, анализ и выяснение функционирования «снов» в системе текста.

История человечества причудливым образом запечатлена в сновидениях Акумовны и Адонии Журавлевой. Для обеих нет резкой грани между сном и бодрствованием: «И днем и ночью живет Акумовна, как живет и Адония Ивойловна».³ Сны Журавлевой связаны с проблемами поисков истинной веры и невозможностью ее обретения в земной реальности. Автор рисует картины посещения «старцев и братцев» богомольной героиней в пародийном ключе. Упоминание в одном ряду «старца», который «нечистых духов соитием плоть умерщвляя изгоняет» и «Фомы Окопинского... сжегшегося на костре»,⁴ говорит о том, что современность — лишь искаженное подобие прошлого (сектантство сменяет христианство). Журавлева посещает одного за другим «святых людей», но они ничего не говорят ей, да им и нечего сказать. Непонятое пророчество Параша: «Корабли пойдут, много кораблей — далеко!»⁵ — намек на то, что будущее принадлежит хлыстам, а истинная вера забыта. Если современность — лишь кошмарное искажение прошлого, то само

прошлое в снах Адонии Ивойловны окрашено в идиллические тона: «Ей снится ее родина, родные реки — Онега-река, Двина-река, Пинега-река, Мезень-река, Печора-река, и тяжелая парча старорусских нарядов, белый жемчуг и розовый лапландский, киты, тюлени, лопари, самоеды, сказки и старины, долгие зимние ночи и полуножное солнце, Соловки и хороводы».⁶ То, что Журавлева — поморка, и «вспоминает» Русский Север (реликт; символ допетровской Руси; места, связанные с первой волной поселения старообрядцев), позволяет построить предположение о ремизовском варианте национального «золотого века», к которому нет возврата. В этой связи «скорпии-хамелеоны», также снящиеся Адонии Ивойловне, «за иконами и на иконах» — знак осквернения незыблемых ценностей. По сути дела «сны» Журавлевой означают стремление вернуться в райское существование без мук, с его цельностью и верой. В конце концов героиня отправляется на богомолье, чтобы воплотить сон в реальность: «Адония Ивойловна между тем на богомолье двинулась, — поехала она в Иерусалим, где дьямян-ладон вон не выходит и горят свечи неугасимые: там омоется она в Иордан-реке, оботрется плакун-травой, и спадет с нее, как еловая кора, все ее горе — горесть вся и слезы, уразумеет она корабли Парашины, и не будет земля уходить и обваливаться на могиле ее мужа на Смоленском».⁷ Весь этот фрагмент «прошит» насквозь апокрифическими цитатами. «Плакун-травой» в «Голубиной книге» утиралась Богородица,⁸ а еловая кора, спадающая с героини — заимствование из духовного стиха о Георгии Храбром: «Потом взял своих сестер, привел их к Иордан-реке и велел им умыться и окреститься: „камыш-трава с них свалилася и еловая кора опустилася“».⁹ «Камыш-трава» в данном контексте — символ язычества. Поездка Журавлевой в Иерусалим — попытка возвращения к истокам христианства — только не в официально-церковном, а «народном» понимании его, но о трагической утопичности этой попытки можно судить, принимая во внимание авторскую иронию (пророчество Параши). Прошлому не стать настоящим, «распалась связь времен». Таким образом — допетровская Русь в художественном сознании писателя — это рай до первородного греха, вернуться в который, конечно же, невозможно.

Сны Акумовны поддаются истолкованию, если обратиться к заявленной в начале статьи дуалистической мифологии автора. Некоторые из них могут быть расшифрованы в свете ветхозаветных сюжетов: «Разные ей снятся сны... разбойников (видит) — бежат, гонят разбойники, и голого человека — на берегу голый с мылом моется, и рябого гада — кусает ее гад, и ягоду — во сне она ест бруснику, большие гроздья с овечьей хвост».¹⁰ «Моющийся человек» скорее всего связан с богомильским мифом о сотворении человека: «Бог мывся в мовнице (бане) и, вспотився, отерся ветхем (пучком соломы), и верже с небесе на землю, и распреся сотана с богом, кому в немъ створити чело-

века. И створи дьявол человека, а бог душу во нъ вложи: темже аще умреть человек, а в землю идет тело, а душа богу». ¹¹ Поедание брусники наряду с упоминанием «рябого гада» вызывает в памяти ситуацию грехопадения. А. М. Ремизов воссоздает библейский сюжет в духе апокрифической традиции — скорее всего с оглядкой на духовный стих «Голубиная книга». ¹² В Библии (Бытие, гл. 2) говорится о запрете съесть плод с древа познания добра и зла, в «Голубиной книге» появляется «ягода (винограда)»: «А и жить Адму во светлом раю. Не скушать Адаму с единово древа Тово сладкова плоду винограднова... Прелестила змея подколодная. Приносила ягоды с едина древа, — Одну ягоду воскушал Адам со Еввою и узнали промеж собою тяжкий грех...». ¹³ А. М. Ремизов еще более русифицировал известный мотив — «змея» заменяется «рябым гадом», ¹⁴ а «ягоды (винограда)» «брусничкой». Похожий вариант обработки ветхозаветного сюжета встречаем и у Аввакума, столь чтимого писателем: «Она же, послушав змии, приступи ко древу: взем грезнь (ягоду — *Д. Л.*) и озоба... смоковь красная, ягоды сладкие...». ¹⁵ Сон о «разбойниках» можно интерпретировать уже в новозаветном ключе—это Рождество, бегство в Египет, избиение младенцев (мотив Рождества был одним из распространенных в творчестве писателя, особенно раннем, по вполне понятным причинам, как уже было сказано, — именно на вифлеемском сюжете строится дуалистическая концепция Ремизова).

Итак, Акумовна «присутствует» при сотворении человека дьяволом, и является одновременно Евой и Богородицей, так как в ее «снах» сопряжены все эти линии библейской истории. Авторское понимание библейских событий далеко от канона. К тому же, если вспомнить биографию этой героини, ее детство и юность, проведенные в непроходимых лесах, населенных нечистой силой, то перед нами предстанет славянка древних времен, живущая в согласии с аграрным циклом воскресающей и увядающей природы, то есть — язычница: «Вспоминая Турий Рог и Сосну Гору, Акумовна нет-нет да и заметит и такое турийрогское и сосногорское, что, кажется, и в голову не придет на Бурковом дворе.

— Теперь, — скажет, — рожь уж готова, слава богу! — и перекрестится: — Дождь не хорошо». ¹⁶

И в то же время она «божественная» и «юродивая». ¹⁷ Акумовна — образ многозначный, являющий собой отражение народного религиозного сознания. Ее «Хождение по мукам» лишь названием напоминает «Хождение Богородицы по мукам». А. Рыстенко первым заметил это, указав, что Акумовское «Хождение...» — вариант распространенных «Хождений на тот свет». ¹⁸ Причащение героини из рук дьявола ассоциируется с мотивом «горькой чаши» из «Хождений на тот свет Феодоры» из «Жития Василия Нового»: «...и посих наливши чашу... и даст ми испити... толь бе горько, яко в той час, отторже ми душу...». ¹⁹

Эпизод, где появляются «три лица на горе, одетые в светлое», — трагестированная картина Преображения Господня.

«Подсветка» образа Акумовны апокрифическими мотивами усиливается повторами: «Обвиноватить никого нельзя!» В народной традиции Богородица наделялась чертами заступницы грешников перед Богом.²⁰ А «юродивость» Акумовны вносит новый аспект в восприятие образа (ее стремление пойти к царю нагой просить защиты и открыть правду о несчастной жизни — восходит к средневековому институту русского юродства).²¹

Пресловутый ремизовский дуализм и здесь дает себя знать — святость без юродства — это не «русская» святость, а юродивый — порождение не официальной церкви, а «народного христианства». Двойственность русского юродства, с его парадоксальностью мировосприятия и поведения была близка писателю. В результате перед нами возникает женский персонаж, «божественность» которого не церковного, а фольклорно-апокрифического происхождения («русский вариант» святости по А. М. Ремизову). Поэтика в данном случае тесно связана с идеологией: в лице Акумовны писатель «освобождает» человечество от вины за первородный грех.

Итак, эта героиня «видит» во сне фрагменты из библейской истории и ей в ее «Хождении...» открывается страшная картина причащения дьяволом обманутых. S. Aronian считает, что: «Akumovna's journey through the house symbolizes her life on earth in all its confrontation both with evil and corruption and with endless suffering».²² Но «видение» Акумовны — не только результат ее жизненного опыта. Учитывая весь контекст образа, мы можем сказать, что «Хождение...» имеет характер дешифрующей универсалии — если начало истории человечества ознаменовано у Ремизова сотворением человека не Богом, и дьяволом, то современность в «Крестовых сестрах» предстает закатом этой истории в преддверии надвигающегося Апокалипсиса. Адонии Журавлевой «снился» «потерянный рай» (допетровская Русь) — миф истории у Ремизова глубоко национален. Общим героиням доступно истинное знание, недоступное другим. И открывается оно лишь во сне. Явь — мутна, хаотична, бессмысленна, а сон — чистое зеркало, где можно увидеть все, как есть на самом деле. Функции сна в «Крестовых сестрах» состоят в безграничном расширении времени и пространства, свободном перемещении в нем, в преодолении бытовой эмпирии, в выходе в сферу мистического, ирреального, где только и можно узреть истину, где совершаются пророчества и откровения. А то, что это «знание» является женщине и идея святости предстает у А. М. Ремизова в женском обличье, связано с самим характером русского православия, и особенно «народного христианства» — религии Богородицы утешительницы, а не Христа.²³

Примечания

- ¹ *Минц З. Г.* Вступительная статья к переписке А. А. Блока с Л. М. Ремизовым // Литературное наследство. М., 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 63 — 82.
- ² *Данилевский А. А.* О дореволюционных «романах» А. М. Ремизова // Л. М. Ремизов. Избранное. Л., 1991. С. 604—607.
- ³ *Ремизов А. М.* Крестовые сестры. М., 1989. С. 30.
- ⁴ Там же. С. 26-27.
- ⁵ Там же. С. 27.
- ⁶ Там же. С. 28.
- ⁷ Там же. С. 102.
- ⁸ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977. С. 212.
- ⁹ *Порфирьев И.* История русской словесности. Казань. 1870. Ч. 1. С. 232. Кстати, «еловая кора» в значении «горя, болезни» встречается и в одном из сказаний о Святогоре: «Призадумался богатырь, поехал в поморское царство и нашел девицу во гноище: тело у ней точно кора еловая. Поднял свой острый меч, ударил в грудь и уехал. Очнулась девица — а еловая кора с нее спала, и сделалась она красавицей невиданной и неслыханной». (*Афанасьев А. Н.* Народ-художник. Миф. Фольклор. Литература. М., 1986. С. 151). Однако упоминание об Иордан-реке и религиозный контекст образа Журавлевой позволяет говорить о заимствовании мотива именно из стиха о Георгии Храбром.
- ¹⁰ *Ремизов А. М.* Крестовые сестры. С. 30.
- ¹¹ Цит. по: *Гудзий Н. К.* История древней русской литературы. М., 1966. С. 30.
- ¹² Древние российские стихотворения... С. 208—209.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. 1. С. 340.
- ¹⁵ Цит. по: *Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В.* Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 66-67.
- ¹⁶ *Ремизов А. М.* Крестовые сестры. С. 60.
- ¹⁷ Там же. С. 30, 31, 61, 105, 121.
- ¹⁸ *Рыстенко А. В.* Заметки о сочинениях Алексея Ремизова. Одесса, 1913. С. 45.
- ¹⁹ Житие Василия Нового. Институт Истории СО РАН, 4/80. Л. 19.
- ²⁰ Эта тенденция особенно отразилась в духовных стихах («Михайло Архангел») — см.: *Озаровская О. Э.* Бабушкины старины. Пг., 1916. С. 100—102.
- ²¹ *Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В.* Смех... С. 92—93.
- ²² *Aronian S.* The Hidden Determinant: Three Novels of Remizov // Russian Literature Triquarterly. 1986. V. 19. P. 153.
- ²³ *Бердяев Н.* Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990. С. 10.